

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА

Материалы
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ,

посвященных
135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ,
110-летию со дня рождения М.Г. Худякова

22 – 25 марта 2004 г.

ШКОЛА

Казань
2004

УДК 908
ББК 26.89(2Рос. Тат)
К 78

Оргкомитет краеведческих чтений:

Председатель:

Г.С. Муханов, кандидат филологических наук,
генеральный директор НМ РТ,
заслуженный работник культуры РТ.

Сопредседатель:

Г.Р. Назипова, кандидат исторических наук,
1-ый заместитель генерального директора
по научно-исследовательской работе.

Члены оргкомитета:

Т.К. Десяткова, ученый секретарь,

К.А. Руденко, кандидат исторических наук,
заведующий отделом археологии,

М.П. Новикова, заведующая отделом естественной истории.

Редакционная коллегия:

Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гуцина, Л.Г. Алексеева

Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества ес-
К 78 **тествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. - Казань:**
РИЦ "Школа", 2004. - 484 с.

В сборник вошли материалы краеведческих чтений, состоявшихся в Национальном музее Республики Татарстан с 22 по 25 марта 2004 г. и посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова (1894 – 1936), археолога, историка, этнографа и музейного деятеля.

Худяков М.Г., 1915в. О вятском гербе // Тр.ВУАК. 1915 год. Вятка. Вып. II-III. Отдел III. С.111-112.

Худяков М.Г., 1916. Исторический очерк города Малмыжа // Тр.ВУАК. 1916 год. Вятка. Вып. I-II. Отдел III. С. I-VI, I-VI, 1-52.

Худяков М.Г., 1917. Древности Малмыжского уезда // Тр.ВУАК. 1917 год. Вятка. Вып. I-II. Отдел III. С.1-59.

Худяков М.Г., 1917а. Старожилы города Малмыжа // Тр.ВУАК. 1917 год. Вятка. Вып. I-II. Отдел III. С.60-64.

Худяков М.Г., 1917б. Из биографий малмыжских историков // Тр.ВУАК. 1917 год. Вятка. Вып. I-II. Отдел III. С.65-68.

Худяков М.Г., 1920. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. Казань. Т. XXX. Вып. 3. С.339-356; XXXI. Вып. 1. С.1-18.

Худяков М.Г., 1923. Очерки по истории Казанского ханства. Казань. 302 с.

Худяков М.Г., 1929. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. Казань. Т. XXXIV. Вып. 3-4. С.75-82.

Худяков М.Г., 1932. Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в настоящее время // СЭ. №1. С.43-62.

Худяков М.Г., 1933. Культ коня в Прикамье // Изв. ГАИМК. М. Вып. 100. С.251-280.

Худяков М.Г., 1933а. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. М. 137 с.

Шикаева Т.Б., 1980. Работы Третьего отряда Марийской экспедиции // АО 1979 года. М.: Наука. С.179-180.

М.Г. Худяков как историк науки

О.М.Мельникова,
доцент Удмуртского государственного университета, к.и.н.,
г. Ижевск

Современное развитие историографии как составной части предмета археологии предполагает разработку теоретико-методологических принципов историографического исследования, обоснование понятийного аппарата, создание эффективных методов изучения истории науки. Немаловажное значение в практической деятельности историков архео-

логии приобретает сбор и систематизация первичных историографических сведений и написание научных обобщений как по истории мировой, так и российской и региональной археологии. Исследование «историографии историографии» является также неотъемлемой частью профессиональной работы специалистов, занимающихся историей археологии.

Первые работы по историографии археологии были созданы в конце XIX в. Как правило, они приурочены к юбилеям и связаны большей частью с подведением итогов деятельности тех или иных археологических обществ и отдельных ученых. Сжатая попытка осмысления истории российской археологии была предпринята в 1898 г. Д.Н.Анучиным в статье «Россия в археологическом отношении», написанной для энциклопедического словаря «Россия» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (Анучин Д.Н., 1991, с.423-430). Первое монографическое обобщение истории дореволюционной российской археологии в контексте мировой науки было предпринято С.А.Жебелевым в 1923 г. в исследовании «Введение в археологию», первая часть которого называлась «История археологического знания» (Жебелев С.А., 1923). Все эти работы значимы для истории археологии по значительному запасу фактологической информации, они демонстрируют опыт историографического исследования в контексте научных парадигм, характерных для своего времени.

Первым опытом создания истории отечественной археологии на основе марксистской методологии науки стала работа М.Г.Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов», вышедшая в серии «Библиотека ГАИМК» в 1933 г. в драматический период внедрения марксизма в археологические исследования (Худяков М.Г., 1933). Она не прошла незамеченной в последующих историографических работах. Оценка этого сочинения присутствует в целом ряде обобщающих исследований по историографии отечественной археологии. Так, В.Ф.Генинг позитивно оценивал фактологическую сторону этого исследования, подчеркивая, что «значительным и новым в этой работе следует признать попытку проанализировать основные исторические концепции дореволюционной археологии и, в частности, дать критику расовых теорий, миграционизма, культурных заимствований» (Генинг В.Ф., 1982, с. 5-6). В то же время В.Ф.Генингом подчеркивалось негативное влияние идей автохтонизма, разделяемых М.Г.Худяковым в его работе, на оценку историографических фактов, отмечалась вульгаризация марксизма в процессе критики различных археологических концепций, что отразилось на содержательной стороне исследования (Генинг В.Ф., 1982, с.6).

Спустя десятилетие, уже в новых исторических условиях, Г.С.Лебедев повторил позитивную оценку работы М.Г.Худякова, отметив ее не только как первую историографическую разработку, но и как серьезный научный труд, вобравший в себя разнообразный и ценный культурно-исторический материал, как попытку конкретно-исторической реализации общей схемы истории отечественной археологии, намеченной В.И.Равдоникасом (Лебедев Г.С., 1992, с.12). В качестве критики исследования М.Г.Худякова Г.С.Лебедев указал на ее «прямолинейный социологизм, упрощение действительных связей между культурой и обществом, наукой и общественной структурой» (Лебедев Г.С., 1992, с.12).

А.А.Формозов в статье «Археология и идеология», вышедшей год спустя в журнале «Вопросы философии», оценивал работы М.Г.Худякова этого периода как вульгарно-социологические, демонстрирующие приспособление археолога к новым установкам времени (Формозов А.А., 1993, с.77).

Однако ни в одной историографической работе исследование М.Г.Худякова не было подвергнуто специальному рассмотрению, в них дана лишь общая оценка этого сочинения. Поэтому особый интерес представляет выявление авторского подхода в понимании задач историографии археологии, определении ее предметной сферы, выявлении круга научных проблем, подлежащих историографическому изучению. В процессе исследования работы М.Г.Худякова следует сделать акцент на содержательной новизне его историографической работы, а оценки мировоззренческих позиций ученого соотносить с учетом исторических обстоятельств времени, в которых пришлось жить и работать исследователю.

Работа М.Г.Худякова вышла в противоречивый период развития советской археологии, когда в науке развернулись дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам. Внедрение в археологию марксистской методологии как единственной методологии археологического исследования сопровождалось многочисленными ненаучными действиями по отношению к целому ряду исследователей, а сами дискуссии проводились отнюдь не в академическом стиле, но в острой полемической форме. Но даже в таких условиях было очевидно, что обоснование внедрения новой методологии нуждается в предварительном изучении истории отечественной и мировой археологии. Этим целям и должна была содействовать работа, выполненная М.Г.Худяковым, работавшим в 1933 г. научным сотрудником сектора феодальной формации ГАИМК.

Исследование М.Г.Худякова предваряется острой полемической статьей С.Н.Быковского, заместителя председателя ГАИМК, «Классовая сущ-

ность буржуазной археологии» (Быковский С.Н., 1933, с.3-22). С.Н.Быковский подчеркивал, что исследование М.Г.Худякова является научно-популярным очерком по истории археологических знаний и предпринято для выявления роли, которую археология в России играла в прошлом. Но за такими безобидными задачами, стоявшими перед исследованием М.Г.Худякова, С.Н.Быковский видел важные идеологические цели, которые преследовала ГАИМК опубликованием данной работы. Написанная в разоблачительном для дореволюционной русской археологии тоне, статья призывала к критическому преодолению буржуазной археологии. Здесь же С.Н.Быковский определял задачи историографических исследований для советской археологии. Он писал, что работы по истории и критике археологических знаний прошлого не должны вести к тому, «чтобы огулом объявить всю старую археологию абсолютно вредной и бесполезной, а к выявлению подлинно реакционных и антинаучных ее сторон с тем, чтобы взять из старой археологии, безусловно, полезное знание» (Быковский С.Н., 1933, с.22). Иными словами, для историографии археологии был декларирован классовый подход, реализованный в принципе партийности историографического исследования. Он не учитывал исторические особенности формирования археологического интереса в обществе, заведомо предавал критике работы и деятельность ученых, выполненные в рамках немарксистской парадигмы.

Пожалуй, именно с появлением работы М.Г.Худякова, историографические исследования, становясь основой для осмысления опыта археологии, осуществлялись в советской археологии исключительно с позиций классового подхода и принципа партийности. Как справедливо позднее отмечал Н.Я.Мерперт во «Введении» к первому тому «Антологии советской археологии», «критерием истины становится не результат научного анализа, не степень убедительности его интерпретации, а соответствие последних марксистско-ленинской концепции исторического процесса, прежде всего «классовым позициям» и «классовым интересам». Все инакомыслящие, в том числе при оценке конкретных археологических феноменов, методических приемов и попыток исторического синтеза, заранее были обречены на штамп идеологического, а стало быть, и политического противника» (Мерперт Н.Я., 1995, с.10). Принцип партийности в историографии археологии с момента выхода работы М.Г.Худякова стал на долгие годы ведущим в исследованиях историко-научного характера. Следование ему должно было показать «не только методологическую порочность реакционных направлений, но и теоретическую ограниченность прогрессивных течений в историографии нашей

страны домарксистского периода» (Иллерицкий В.Е., Кудрявцев И.А., 1971, с.6).

Следование марксистской методологии оказало влияние и на принципы организации М.Г.Худяковым историографического материала. Еще десятилетие назад, в работе С.А.Жебелева 1923 г. «Введение в археологию», история археологии излагалась на основе генетического и структурного подходов, что позволило автору охарактеризовать археологические направления и формы организации археологической деятельности в их генетическом ракурсе (Жебелев С.А., 1923). Работа М.Г.Худякова в качестве критериев историографической периодизации опиралась на марксистскую унитарно-стадиальную концепцию исторического процесса. Эта традиция войдет позднее в СССР во все учебники историографии исторической науки для вузов, на ее основе будут созданы «Очерки по истории исторической науки в СССР», один из томов которой был посвящен истории археологии. Великая Октябрьская социалистическая революция станет рубежом для выделения периодов в истории отечественной археологии. Обоснование такого стадиального деления истории исторической науки определялось «обусловленностью существованием органической связи между исторической наукой и социально-экономическим и общим идейным содержанием эпохи, тем, что, в конечном счете, именно развитием классовой борьбы определяется сущность борющихся между собой прогрессивных направлений и течений в науке» (Иллерицкий В.Е., Кудрявцев И.А., 1971, с.6). Поэтому вся история отечественной археологии в дореволюционный период, по М.Г.Худякову, делится на археологию доклассового общества, рабовладельческого общества, феодальной эпохи с выделением стадий XVI-XVIII вв. и позднего феодализма и археологию периода капитализма (Худяков М.Г., 1933, с.162).

Особую ценность исследованию М.Г.Худякова придают историографические факты, многие из которых впоследствии умалчивались в последующих советских историографических работах и на долгие годы оставались за пределами историко-археологических изданий. Они касаются персоналий, деятельности археологических учреждений, содержания археологических исследований (методов, гипотез, концепций). Библиография ссылок, приводимых М.Г.Худяковым, позволяет извлечь из небытия многие стороны развития дореволюционной русской археологии.

Современный читатель с удовольствием отметит достаточно пространственные характеристики деятельности Страленберга в связи с академическими путешествиями в Сибирь (Худяков М.Г., 1933, с.46-48), новизну вклада в развитие археологии А.Н.Оленина (Худяков М.Г., 1933, с.60),

В.А.Городцова (Худяков М.Г., 1933, с.84-87), А.А.Спицына (Худяков М.Г., 1933, с.88; 99-100; 124-128), М.И.Ростовцева (Худяков М.Г., 1933, с. 90-96), Б.В.Фармаковского (Худяков М.Г., 1933, с.97-99). Подробно анализируется деятельность Н.П.Кондакова, чье имя на долгие годы было за пределами историографического интереса (Худяков М.Г., 1933, с.112-116). Излагаются страницы биографии Е.А. и А.Е.Теплоуховых и история создания археологической коллекции в пермских землях графа С.Г.Строганова (Худяков М.Г., 1933, с.118-121). Ценная информация содержится по истории уральской археологии (биографические сведения о Ф.Д.Нефедове, П.А.Пономареве, М.С.Тюнине, Л.А.Беркутове) (Худяков М.Г., 1933, с.129-136). Читатель с интересом прочитает биографические данные о некогда крупнейшей и почти забытой современными историками археологии фигуре академика Н.Я.Марра и его археологических воззрениях (Худяков М.Г., 1933, с.151-155). Оценочные суждения о научной деятельности и вкладе в развитие отечественной археологии этих исследователей базируются на заявленных С.Н.Быковским в вводной статье классовых критериях.

М.Г.Худяков обращается к структурной организации археологического знания. В дореволюционной русской археологии он выделяет такие разделы, как «первобытная, древневосточная, классическая, бытовая с подразделениями византийской, западной средневековой и восточной русской археологии» (Худяков М.Г., 1933, с.75). Правда, в соответствии с заявленным принципом партийности, М.Г.Худяков подвергает наличие таких разделов археологии критике, предлагая выделять в структуре дореволюционной русской археологии периода капитализма разделы на основе классовой принадлежности исследователей - археологию буржуазную, дворянскую, церковную, военную, купеческую, мелкобуржуазную (Худяков М.Г., 1933, с.72-158). Каждая из них получает обстоятельную характеристику, что значимо для современной истории археологии по значительному количеству фактологической информации.

Не ставя специальной исследовательской задачи изучения формирования русской археологии как науки исторической, М.Г.Худяков, тем не менее, обстоятельно показывает, как в русской исторической науке постепенно формировался интерес к археологическим источникам как источникам историческим. Никогда позже в советской историографии археологии столь детально не рассматривался процесс внедрения археологических знаний в исторические сочинения В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, М.П.Погодина, С.М.Соловьева, И.Е.Забелина, С.Ф.Платонова. На это уже в 90-е гг. XX в. обратил внима-

ние Г.С.Лебедев в работе «История отечественной археологии» (Лебедев Г.С., 1992) и достаточно убедительно рассмотрел И.Л.Тихонов в монографии «Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки» (Тихонов И.Л., 2003).

При внимательном прочтении работы М.Г.Худякова не покидает ощущение того, что текст был написан задолго до времени его опубликования, что, конечно, требует особой работы по выявлению историографических источников, которые могли бы свидетельствовать о процессе написания этой книги. Во-первых, в пользу этого косвенно свидетельствует значительный объем историографической информации, причем касающийся не только истории русской, но и европейской науки. Во-вторых, часто само описание историографических фактов изложено в спокойных, взвешенных тонах и складывается впечатление, что автор вдруг неожиданно начинает давать классовую оценку деятельности тех или иных археологов, археологических учреждений, музеев (например, раздел о деятельности археологических обществ и археологических съездов) (Худяков М.Г., 1933, с.72-75).

Особую роль в своем исследовании для изучения истории археологии М.Г.Худяков отводит истории археологических учреждений, музеев, археологического образования в дореволюционной России, охраны археологических объектов (Худяков М.Г., 1933, с.138-142). Явным диссонансом декларированному отрицанию научного вклада в археологию дореволюционных исследователей служит один только обширный перечень археологических коллекций и публикаций по археологии, приводимый исследователем. «Был создан целый ряд прочных научных организаций по изучению археологии: Археологическая комиссия (1859 г.), Русское археологическое общество (1846 г.), Московское археологическое общество (1864 г.); с 1869 г. до 1914 г. происходили периодические всероссийские археологические съезды, с 1901 до 1914 г. состоялось 5 областных археологических съездов в Верхнем Поволжье. В некоторых губернских городах возникли музеи, в которых имелись археологические отделы или коллекции. Археологией занимались архивные комиссии, научные общества и отдельные краеведы. Во многих городах существовали коллекции древностей, которые принадлежали частным лицам и нередко сосредотачивали в себе очень важные в научном отношении материалы. Была создана обширная археологическая литература в виде журналов, многотомных серий и многочисленных отдельных изданий. Достижения археологической науки в капиталистической России велики и неоспоримы. Ежегодно во всех частях России предпринимались рас-

копки, совершались открытия, неуклонно обогащались новыми поступлениями археологические коллекции и музеи, немало обнаруживалось случайных находок и кладов, которые доставлялись в археологическую комиссию и поступали в музеи. В научный оборот непрерывно поступало множество нового материала, обогащавшего археологию новыми фактами и имевшего не только местное, но нередко международное и даже мировое значение. Над собиранием археологических материалов и над разработкой различных проблем и вопросов трудилось большое количество археологов, как ученых специалистов, так и любителей. Русская археология пользовалась престижем и на международной научной арене, не только в силу огромного территориального и хронологического размаха российских археологических богатств и коллекций, но также вследствие высоких научных достоинств русских ученых, выступавших на международных конгрессах» (Худяков М.Г., 1933, с.72-73).

Однако резюме, следовавшее за столь пространной позитивной оценкой достижений дореволюционной русской археологии, ей противоречит: «Капиталистическая наука оставила в наследство пролетариату огромное количество накопленных материалов коллекций, многотомные библиотеки археологической литературы и большое количество археологических фактов, слабо приведенных в довольно неясную и сбивчивую систему, которая решительно нуждалась в критической проработке, коренной переработке в новом освещении» (Худяков М.Г., 1933, с.74).

М.Г.Худяков поднимает проблему объекта и предмета археологии. Его критике подверглось понимание предмета науки. Ученый полагал, что в дореволюционной русской археологии оно было весьма размыто и нечетко, в нем невозможно разграничить с археологией другие виды сферы научного исследования (например, искусство). Первобытная археология не принималась во внимание как наука исторического цикла: «Буржуазная наука рассматривала археологию не как органическую часть исторической науки, а как особую вспомогательную дисциплину, имеющую второстепенное значение и обладающую очень ограниченным применением» (Худяков М.Г., 1933, с.76). Познавательная ценность археологических источников по сравнению с письменными в ней принижалась.

Особый акцент в работе М.Г.Худякова сделан на анализ теоретических концепций русской дореволюционной археологии. Естественно, что принятые методологические подходы в его исследовании определили характер оценочных суждений ученого. Все теории, использованные русскими археологами до революции, были отнесены М.Г.Худяковым к типу

буржуазных теорий. Им подчеркивалось, что назначение буржуазных теорий состояло в пропаганде «политических взглядов буржуазии, в первую очередь, для внедрения в массы сознания извечной неизменности и неизбежности социального неравенства» (Худяков М.Г., 1933, с.149).

Специальному рассмотрению М.Г.Худякова подверглись несколько основополагающих научных теорий, оказывавших, по его мнению, существенное влияние на объяснение археологического материала. Им дана оценка расовой теории, которая, по мнению ученого, помогала «империалистам в осуществлении их захватнических замыслов. Упорно отыскивая этнические и национальные признаки той или иной культуры и исходя при этих исканиях из современной политической и этнографической карты, ученый археолог, следующий принципам расовой теории, «научно» обосновывает право империалистов на захват той или иной территории, доказывая ее исконную принадлежность той или иной нации. Расовая теория направляет тех археологов, которые в угоду великодержавным шовинистам всюду ищут по формальным признакам то финский, то скандинавский, то германский, то славянский материал, создавая в воображении никогда не существовавшие «великие государства» глубочайшей древности» (Худяков М.Г., 1933, с.82).

Критике М.Г.Худякова подверглась миграционная теория, которая, по его мнению, объясняла причины культурных наслоений в противовес разделяемой автором концепции саморазвития. В этой связи жесткой критике подвергнуты работы В.А.Городцова, посвященные культурам эпохи бронзы в Средней России. Также негативно оценивается теория культурных заимствований, оправдывавшая, по мнению ученого, «всякий территориальный захват, всякое национальное угнетение, внушавшая мысль о том, что побежденные сами виноваты в своих несчастьях» (Худяков М.Г., 1933, с.87). Наиболее яркое воплощение эта теория нашла, по мнению М.Г.Худякова, в исследованиях Н.П.Кондакова, А.А.Спицына, Д.Н.Анучина, А.В.Шмидта, а в еще большей мере В.А.Городцова. Отдельному анализу подверглась эволюционная теория, которая, как полагал М.Г.Худяков, приводила к отрицанию возможности культурного развития отсталых народов (Худяков М.Г., 1933, с.90).

Ученый видел тесную взаимосвязь между научной теорией и научным методом. Поэтому вслед за критикой научных теорий он подверг критическому рассмотрению методологию русской археологии, в особенности формально-сравнительный метод, который в его археологическом воплощении известен как формально-типологический метод, базировавшийся на эволюционных идеях. Среди работ, в которых разрабаты-

вался и применялся формально-типологический метод «в наиболее отчетливой форме», ученый называет исследования Д.Н.Анучина, Н.П.Кондакова, А.А.Спицына, М.И.Ростовцева, Б.В.Фармаковского и «самого педантичного и крайне последовательного применения метода к «доисторической» археологии» В.А.Городцова. Поскольку свое воплощение в археологии эволюционная теория находила в активном использовании категории «культура», М.Г.Худяков резко негативно критиковал культурно-исторические изыскания русских ученых и сам механизм выделения археологических культур (Худяков М.Г., 1933, с.91-93).

В целом, оценивая теоретическое наследие русской археологии, М.Г.Худяков пришел к выводу о том, что она «была бедна обобщающими, синтетическими работами. Такие подытоживающие работы, как «Бытовая археология» В.А.Городцова и его же «Культуры бронзовой эпохи Средней России», не поднимались выше сводных обзоров описательного материала» (Худяков М.Г., 1933, с.95).

Естественно, что на критическое отношение М.Г.Худякова к теоретико-методологическому наследию русской дореволюционной археологии повлиял классовый подход. Но с точки зрения оформления предмета историографии археологии им был выявлен ее важный тематический раздел – необходимость не только фактологического изучения истории науки, но и рассмотрение ее теоретико-методологических оснований.

Наконец, обратим внимание еще на один важный историографический сюжет исследования М.Г.Худякова – это его размышления относительно развития региональной, в первую очередь, прикамской археологии. Знание историографических фактов по прикамской археологии сыграло для исследователя большую службу. Очень часто, размышляя о тех или иных сюжетах в истории русской археологии, он прибегает к примерам, относящимся к Прикамью. Это касается описания конкретного археологического и этнографического материала (например, описание традиций родового общества, сохранявшихся у удмуртов), научно-биографических сведений о заметных фигурах в прикамской археологии (П.А. Пономареве, А.А.Спицыне, Л.А.Беркутове), организационных основ местной археологии (археологическом съезде в Казани, Обществе археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, Сарапульском уездном музее), истории охраны археологических памятников в Прикамье (сохранении древностей Булгара).

Подведем итоги. Первое историографическое обобщение, основанное на принципах марксистской методологии науки, работа «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» М.Г.Ху-

дякова отражает особенности исторического развития археологии. Его несомненное достоинство состоит в том, что автор предпринял попытку обобщения теоретических и методологических основ русской археологии, начиная с исторических концепций XVI в., при этом предварительно характеризуя этап «предистории» науки, анализируя процесс возникновения зачатков в обществе исторических, в том числе археологических, знаний. Им был продемонстрирован важный принцип методологии историографического исследования – изучение теоретических основ развития археологии и вытекающих из них методов. Это позволило ученому уйти от фактографизма и изложить цельный взгляд на историю русской археологии. Он дополнен изложением истории археологических учреждений, музеев, образования в России. Другой вопрос, что оценочные суждения ученого напрямую связаны с политическими и идеологическим воззрениями времени, когда шел сложный и драматический процесс насильственного внедрения марксизма в археологию, прервавший нормальный ход развития науки. Археология как наука не смогла в условиях тоталитарного государства сохранить свою автономию, и социальные факторы стали разрушать традиционные познавательные основы ее развития. Поэтому, излагая ценные историографические факты по истории русской археологии, М.Г.Худяков в силу этих внешних обстоятельств ставил акценты в них так, как это следовало из существовавшей в обществе идеологии и отражало сложную ситуацию в обществе того времени. Трудно сказать, в какой мере исследователь действительно убежденно разделял эти оценки, поскольку его путь в науке был начат еще до революции 1917 г., во время учебы в Казанском университете. Во всяком случае, драма археологической науки начала 30-х гг. трансформировалась в личную трагедию ученого, репрессированного в 1936 г. Исследование «Дореволюционная русская археология», несомненно, надолго будет еще представлять фактологический историографический интерес и выступать в качестве историографического источника по истории отечественной археологии в советский период ее развития.

Литература:

Анучин Д.Н., 1991. Россия в археологическом отношении // Энциклопедический словарь. Россия. Издатели Ф.А.Брокгауз. И.А.Ефрон. Л. С.423-430.

Быковский С.Н., 1933. Классовая сущность буржуазной археологии / / Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л. С.3-22.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев. 225 с.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пгд. 199 с.

Иллерицкий В.Е., Кудрявцев И.А., 1971. Историография истории СССР. Учебник для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. М. 460 с.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. СПб. 461 с.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии. Т. I. 1917-1933 гг. М. С.3-11.

Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб. 332 с.

Формозов А.А., 1993. Археология и идеология // Вопросы философии. 1993. № 3. С.70-83.

Худяков М.Г., 1933. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л. С.23 – 162.

Золотоордынские археологические памятники центральных районов Саратовской области в исторической памяти русского крестьянства XIX – начале XX века¹

Л. Ф. Недашковский,
главный хранитель музея археологии КГУ, к.и.н.,
г. Казань

В качестве хронологических рамок данной работы XIX – начало XX в. избраны не случайно. От более раннего времени до нас не дошло практически никакой информации об отношении крестьянства к рассматриваемым археологическим памятникам, кроме сообщения И. И. Лепехина о наличии преданий о провале сквозь землю города, располагавшегося на месте Увековского городища². В XX в. же уже стало значительным влияние образовательной системы, отразившееся и на народных представлениях о местных исторических памятниках.

К концу XIX в. после прекращения функционирования золотоордынских поселений и кладбищ в центральной части Саратовской области